

Александрова С.С.

УДК 141.7:930.1

СПЕЦИФИКА ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Актуальность темы. В условиях развития нетрадиционного нестационарного общества исследование социально-философских проблем исторической деятельности представляет собой актуальную теоретическую и практическую задачу. Это обусловлено тем, что главным звеном любой социально-исторической деятельности является человек, поэтому решение этой задачи тесно связано с исследованием социально-философских аспектов исторического познания в процессе преобразования субъектом социальной действительности.

К настоящему моменту в современной философии истории сложилось такое положение, при котором одновременно сосуществует множество полярных воззрений на проблему смысла и направленности исторического процесса. Вместе с тем, наряду с непреходящей, субстанциальной актуальностью проблемы исторического познания, сегодня существует и непосредственная, ситуативная актуальность, заставляющая обратиться к специфике и содержанию исторической рефлексии.

Весь путь исторического развития человечества есть путь усложнения системы своего существования и усовершенствования структуры и организации своего бытия, называемого культурой. Однако в кризисные моменты своего развития люди часто приходили к осознанию культуры и цивилизации как главной причины своего отчуждения от исторического процесса и становились на путь нигилистического отрицания, разрушения всего позитивного, что было создано предыдущими эпохами культурно-исторического развития.

В начале третьего тысячелетия нашей эры во взаимоотношениях индивида и общества, в развитии самой человеческой личности сложилась столь кризисная ситуация, в силу которой под сомнением зачастую оказывается даже то, что мы традиционно обозначаем как человеческую идентичность - представление человека о своем особом месте и предназначении в окружающем его мире и обществе, а также внутреннее осознание своей исторической автономности и личностной свободы.

Современное кризисное обострение проблемы человека, а также форм и способов его познавательной деятельности в конкретном историческом и социальном окружении, коренным образом отличается от сходных ситуаций прошедших эпох. Пагубное нарастание всеобщего отчуждения человека от реального исторического процесса, наряду с новыми формами проявления его исторической рефлексии, приводит нас к выводу о том, что корни общецивилизационного кризиса современного социума коренятся не только в структуре и функциях общественной системы в целом, но прежде всего в самой природе и сущности человеческой личности. Исторически в различных направлениях классической гносеологии сознание, познание и рефлексия рассматривались преимущественно или только с субъективной стороны познавательного процесса в целом, или же исключительно со стороны своего объективного содержания, то есть в аспекте предметно-объектных ориентации процесса человеческого познания. Именно о такой сфере объектного символизма истории и культуры писал в свое время Шеллинг: "Значение здесь совпадает с самим бытием, оно переходит в предмет, составляет с ним единство". В то же время десубстанциализация теории познания в значительной степени актуализирует совмещение антропологической и социальной перспектив описания процессов социального познания с позиций исторической рефлексии. Н.Б.Оконская утверждала, что социобиологизаторский подход в методологическом обеспечении решения проблем истории, не давал науке выйти на понимание соотношения социальных и биологических изменений человечества в ходе истории [4].

В ценностно-смысловом универсуме истории человек оказывается одновременно и объектом и субъектом, как социального познания, так и социального действия. Отсюда возникает необходимость в рассмотрении аксиологических компонентов исторической рефлексии как формы социального познания и способа анализа исторической действительности. Сегодня становится ясно, что историческая эмпирия утратила свою когнитивную самодостаточность в качестве бесспорного приоритета дискурсивной достоверности.

Тем не менее, это не означает, что объективистские представления в отношении истории не должны уступить место крайнему субъективизму, способному вызвать радикальную парадигматическую трансформацию исторического познания. Более адекватным представляется подход, подразумевающий дополнительность фактологического в истории интуицией исследователя. Здесь представляется целесообразным акцентировать внимание на выявлении характера детерминации поведенческой модели социума исторически заданными реалиями. Именно этот подход способен прояснить многочисленные иррациональные поступки, совершаемые на социетальном уровне, которые берут свои основания в далеком прошлом, обуславливаются архетипами национального сознания, историко-генетической памятью и социокультурным кодом.

С этой точки зрения следует, прежде всего, проанализировать ряд традиционных гносеологических и эпистемологических парадигм с позиций субъекта исторического действия, для выявления и обоснования, социальных детерминант исторического познания и исторической рефлексии.

В классический период складывания рационалистических парадигм в гносеологии выделяются такие направления теории познания как критицизм, фундаментализм и нормативизм. В дальнейшем формируется субъектоцентризм в гносеологии, в котором в качестве несомненного и неоспоримого базиса выступает сам факт существования субъекта как сознательной и активной единицы исторического процесса. Отталкиваясь

от этих гносеологических программ, мы переходим к цивилизационному пониманию исторического процесса с точки зрения наличия в нем многочисленных альтернатив, динамизма событий и их аксиологического контекста. Мощный потенциал методологии цивилизационного подхода открывает новые горизонты для исследования не только сущности исторических событий, но в выявлении субъективного источника большинства современных социальных преобразований. Тем самым историческое познание реализуется на основе рефлексии субъекта исторического процесса и обретает смысл именно в ценностных аспектах трансформации сознания и деятельности этого субъекта - человеческой личности.

Весьма характерной в этом отношении является теоретическая позиция К.Ясперса, который так охарактеризовал специфику человеческого познания истории: "Было время, когда человек ощущал свой мир как непреходящий, таким, как он существует между исчезнувшим золотым веком и предназначенным божественным концом. В этом мире человек строил свою жизнь, не пытаясь изменить его... Мы же хотим проникнуть в основание действительности, в которой мы живем; поэтому нам представляется, будто мы теряем почву под ногами... Мы размышляем не только о мире, но и о том, как он понимается, и сомневаемся в истине каждого такого понимания". [7, С. 85-86].

При социально-философском анализе исторического познания, его сущности, содержания и социальных детерминант, наибольшее значение приобретают такие аспекты исследования, как гносеологический и социально-исторический. Эти подходы применимы не только к исследованию общественного сознания в целом, но и отдельных его форм, и выражают одновременно как предметно-когнитивную сторону этого феномена, так и его социальную обусловленность объективным общественным бытием.

С этой точки зрения, социально-философский аспект исследования проблемы исторического сознания в контексте реального исторического процесса предполагает рассмотрение природы и сущности этого феномена в процессе развития всего социума в целом, путей, источников и движущих сил этого развития, форм и способов исторической эволюции общества, определения роли и значения основных социальных субъектов в общественно-историческом развитии.

Именно поэтому, современный западный человек осознает себя как "человек исторический" в силу ряда причин, среди которых доминирующей является ни перед чем не останавливающаяся рациональность, основанная на бурном развитии естествознания и господстве техники. Однако эта революционная по отношению к истории тенденция имеет и свою оборотную сторону, заключающуюся в потере глубинной связи нашего сознания с исторической эволюцией естественной сферы человеческой жизнедеятельности. Увеличивая свое преобразующее воздействие на природу, мы во все большей степени отчуждаемся от нее.

Технократическое мышление стремится превратить всю планету в единую фабрику; человек терит свою индивидуальность, историческую перспективу прошлого и будущего, ограничиваясь лишь узкой полоской настоящего, чтобы, изменяя самому себе и своему сознанию причастности к истории, стать легко заменяемым и пригодным для любой функции, винтиком производственного или политического механизма.

Отсюда в современной философии и социологии истории начинают все более нарастать трагические нотки, связанные с возрождением определенным образом трансформированной эсхатологической традиции, выдвигающей на первый план проблему "конца истории" и создающая тем самым почву для возникновения апокалипсических мотивов в историческом сознании современного общества. Так, например, трактат Ф. Фукуямы "Конец истории и последний человек", поднимающий ряд наиболее острых и злободневных проблем современной культуры и цивилизации, во многом примыкает к философии истории гегелевского типа [5]. В противовес этой эсхатологической позиции, известный советский ученый-историк М.Я. Гефтер, рассматривая специфичность и даже определенную исключительность истории и исторического процесса в общем русле социальной практики, отводит в нем особое место человеку и его сознанию, утверждает антропогенность истории, говоря что: "из всего живого историей обладает только человек!". [3, С. 9].

Сегодня сам факт экзистенциальной ускоренности исторического процесса является одним из главных условий, способствующих развитию исторической активности. В современном обществе историческое сознание и политическое познание оказываются не только органично связанными друг с другом, но и постоянно взаимопроникают и переплетаются в единой ткани реального исторического процесса, имманентными атрибутами и активно-преобразующими факторами которого они выступают.

Согласно точке зрения Бердяева, которую он обосновывает в таких трудах, как "О рабстве и свободе человека" и "Смысл истории", сама история как таковая возникает, существует и реализуется исключительно через своих субъективных носителей, воплощаясь в историческом сознании масс и отдельных личностей, что ставит проблему социальности в один ряд с проблемами общественной и индивидуальной психологии, и в то же время противопоставляет историческую необходимость сознательной деятельности людей. [1, С. 66-67].

Наиболее широко распространенное включение сферы субъективного в рассмотрение истории общества принадлежит М.Веберу. Вебер, не без влияния неокантианцев, присоединился к числу тех, кто противопоставлял социальную науку естествознанию по демаркационному разделению природы и духа.

Следует отметить, что при всем огромном интересе к веберовскому наследию, со временем не утихающему, но наоборот - возрастающему, он остается одним из наиболее продуктивных теоретиков социологии исторического процесса. Центральное место в его "понимающей социологии" занимает принцип рассмотрения социально-исторического события в качестве рационального (целеполагающего и ценностно-рационального) действия субъекта. Не внешняя причина, а целеполагание (внутреннее

стремление к цели) определяется как главный объяснительный механизм. Вебер изначально отказывается от общества как понятия, безусловно, первичного по отношению к понятию индивида и доминирующего над ним в исторической действительности.

Вебер вводит, наряду с субъективными смыслами исторического действия, также и объективную ориентацию индивида на социальное окружение. Это позволяет ему соединить четыре аспекта социально-исторического действия: целеполагающий, ценностно-рациональный, аффективно-эмоциональный и традиционный. Тем самым, один из главных тезисов сторонников философии жизни состоит в том, что мир не есть наша репрезентация, «...он не представлен нам как комплекс ощущений или объект для восприятия. В его основе лежит воля к существованию, воплощению, реализации» [2, С. 86]. Волевой акт лежит в основе жизни. И постижение воли, а не производимого ею эффекта позволяет нам надеяться на достижение истины. Отличительная особенность рассматриваемого направления заключается в том, что философы жизни выступили против постижения всеобщего и формально-декларативного в историческом познании. Их историософский девиз был подхвачен многими экзистенциалистами, утверждавшими, что в основе всего сущего лежит не сущность, понимаемая как всеобщее, а существование индивида, которое всегда является единичным, так же как и сама жизнь личности в истории. Постичь же единичное в истории можно лишь через переживание или даже через вживание в общую ткань исторического процесса. Именно такие возможности раскрывает перед исследователем сущности исторической рефлексии личности герменевтическая традиция в социальном познании.

Таким образом, с позиций человеческой духовности и индивидуальности познание истории становится важным не только с сугубо практической, утилитарной стороны. Оно ориентировано, прежде всего, на экзистенциальные проблемы человеческой личности, возвышение над конечностью человеческого бытия, на подключение субъекта к вечно живой эстафете исторических свершений, которые превращают его из обезличенной социальной единицы в активную и творческую силу истории. Тем самым, экзистенциальная насыщенность исторической рефлексии личности не только одухотворяет саму историю, но и приобщает человека к общей ткани исторического универсума, выводит его к новым историческим высотам, признавая в качестве доминантного фактора истории процесс совершенствования человеческой духовности.

Историческое сознание и историческая рефлексия, как отдельных индивидов, так и целых социальных общностей и субъектов социально-исторического развития, их свободно определяемые решения и действия, с ожиданием ими последующей реакции других индивидов на их действия, являются необходимой предпосылкой и условием осуществления феномена социально-политического взаимодействия субъектов. Отсюда возникает исторически и социокультурно обусловленное поведение индивидов как целостный комплекс реакций социальных групп и отдельных личностей на различные социальные ситуации, возникающие в процессе реализации индивидами своих свободно определяемых решений и действий. Само социальное действие индивида в истории - это и есть главное связующее звено между свободным волеизъявлением личности и его реализацией в социальном поведении.

Современная ситуация социальной нестабильности одновременно характеризуется возникновением и разворачиванием эпохального исторического познания, впадая, при этом, в патологический социокультурный кризис. Два кризиса - социальный и культурный - сложились в современном обществе в единое целое и действуют в нем одновременно, проявляя себя как общий кризис исторического сознания нерасчлененной социокультурной реальности.

Такого рода историософский и философски - антропологический взгляд на сущность и эволюцию исторического познания и рефлексии личности в деятельности, объединяясь с цивилизационным и культурологическим подходом в анализе исторического познания, выявляет новые грани и аспекты экзистенциальной направленности социальной активности субъектов, определяя ее аксиологическое содержание.

Важнейшую роль в этом процессе играет система ценностей данного индивида или, точнее сказать, механизм ценностной ориентации, возникающий и формирующийся в процессе исторического развития общества, поскольку именно в процессе целеполагания и осуществления определенных исторических целей и задач индивид руководствуется определенными духовно-нравственными идеалами. В силу этого, его деятельность всегда неотделима от ценностной ориентации индивида, опирающейся на ценностные представления общества, сложившиеся в процессе исторической эволюции социальной системы. В отличие от простой ценностной ориентации, которая носит индивидуальный характер, социализированные ценностные представления, хотя и кажутся иногда человеку сугубо индивидуальными, в действительности складываются как типичные представления определенных общественных классов, групп, слоев и т.д., к которым принадлежит каждый индивид. В результате подобной ценностной ориентации в процессе деятельности человека и вырабатывается определенный устойчивый механизм, обеспечивающий связь каждого отдельного индивида с обществом, а его индивидуального сознания и самосознания со всеми формами общественного сознания. Благодаря этому механизму успешно преодолевается антиномия индивидуального и общественного, субъективного и объективного, порождается тенденция к их объединению как однотипных, хотя и не тождественных полностью, явлений.

Сегодня, когда мы вошли в историческую жизнь третьего тысячелетия, на наших глазах формируется новая цивилизация и новая историческая психосфера. Радикальным образом изменяющиеся социальные отношения ставят перед нами не только новые вопросы, но и вполне правомерные опасения. Не означают ли современные бурные технологические трансформации социума, вереница социальных переворотов и катаклизмов подрыва духовно-нравственных основ современной цивилизации - конца дружбы, любви,

привязанности, общности и исторического соучастия людей в общественной деятельности? Не сделают ли завтрашние технологические чудеса и новшества отношение человека к человеку в истории еще более бессодержательными, потребительскими и безличностными, чем они уже есть сегодня? И не движемся ли мы к тому "внеисторичному" состоянию, когда на смену вечным нравственным и духовно-личностным императивам истории придут сиюминутные безличностные и потребительские исторические интересы и утилитарно-прагматические ценности индивида, оторванного от своего исторического прошлого в превратившегося в винтик производственного механизма.

Во всякой культуре, на определенной ступени ее исторического развития, начинают обнаруживаться деструктивные начала, которые отрицают духовные основы культуры и зачастую ведут к подрыву самих цивилизационных и ценностных основ человеческого бытия в истории. Историческая изменчивость и динамичность социального бытия в переломные моменты истории ведет к тому, что она начинает отрицать и разрушать прежние культурные и духовно-нравственные основы своего существования. И в этом социальном и историческом процессе коренным образом видоизменяются сами формы и политической креативности, социальная динамика которых отражает общую динамику человеческой субъективности.

Картина всемирной истории прошлого и осознание ситуации в настоящем во многом определяют друг друга и обуславливают новую направленность и новое ценностно-смысловое содержание исторической рефлексии. Целостность исторического познания в современной кризисной социальной ситуации требует личностного и эмоционально окрашенного восприятия и осознания смысла и сущности исторического процесса, его аксиологической трансформации с позиции непосредственного и активного участника исторических событий и коллизий.

В силу всего вышеизложенного, можно сформулировать ряд выводов:

1. В условиях радикального изменения самих темпов и направленности социально- исторического развития современного общества, в ситуации резкого расширения сфер урбанизации и технизации социальной системы, особую актуальность и значимость приобретает вопрос о месте и роли в историческом процессе каждой конкретной личности, автономной единице современного социума.

2. На современном этапе развития информационного общества историческое познание как отдельной личности, так и определенных социальных групп испытывает серьезный кризис, вызванный распадом прежних социальных связей и отношений. В современном обществе историческое познание субъекта оказывается не только органично связанным с социальной практикой и политическими процессами, но и оказывает активное и целенаправленное воздействие на общую ткань реальных исторических событий.

Источники и литература:

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье /Н.А. Бердяев. – М.: Канон/: «Реабилитация», 2002. – 447 с.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества /М. Вебер; пер. с нем., сост. общ. ред. и авт. послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
3. Гефтер М.Я. История позади? Историк человек лишний? // Век XX №1, 1996 г., С 9-32.
4. Оконская Н.Б. Лицо истории или цивилизация каннибалов /Оконская Н.Б. – Севастополь: Издательство СевНТУ, 2003. – 232 с.
5. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек /Ф. Фукуяма / Пер. с англ. М.Б. Левина; М.: ООО «Издательство АСТ», 2004 г. – 544 с.
6. Шеллинг Ф.В.Й Система моей философии //Ф.В.Й. Шеллинг Избранные произведения в 2-х тт.; Пер. с нем.- М.:Мысль, 1963. – Т.1. – 636с.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории /К. Ясперс. Пер. с нем.; Вступ. ст. П.П. Гайденко; - М.: Мысль, 1992. – 328 с.

Буряк В.В.

УДК 316.3

МАКДОНАЛЬДИЗАЦИЯ КАК МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ГОМОГЕНИЗАЦИИ

Очевидно, что глобальные трансформации отнюдь неравномерно распределены в историческом и географическом измерениях. Тем более значим социетальный аспект глобализации, который, в общей сложности, и указывает на движущие силы глобальных трансформаций.

Актуальность темы. Попытки редуцировать противоречивые тенденции культурных планетарных процессов посредством выделения в ключевой тренд гибридизации культуры, креолизации или культурного джемминга сталкиваются с методологическим конфликтом интерпретаций. Наиболее успешное и эмпирически фундированное объяснение культурной гомогенизации мы находим в исследованиях Джорджа Ритцера и его последователей. *Основная проблема* изучения социо-культурной истории глобализации как многомерного процесса состоит в определении структурных и функциональных особенностей расширения глобальности. Ключевые задачи, обеспечивающие решение проблемы, заключаются в анализе макдональдизации как наиболее очевидного и репрезентативного тренда глобальных трансформаций.

Существует множество версий глобальных трансформаций, одновременно наблюдается отсутствие консенсуса относительно движущих сил, механизмов, практик и направленности трансконтинентальной гомогенизации. Нетривиальным подходом для объяснения хода глобализации является «тезис